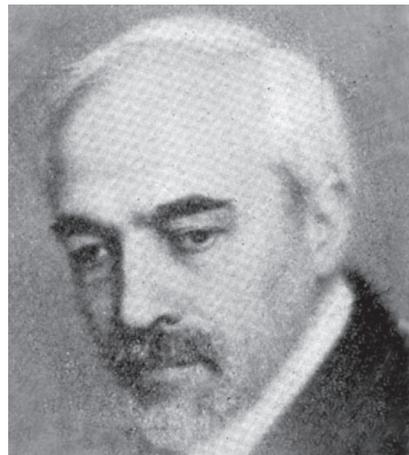

Уголовный кодекс и социальный вопрос

МАКСИМ
ЛЕРУА

Очерк Максима Леруа «Дух наполеоновского законодательства: критическое исследование»¹ представляет собой докторскую диссертацию, защищенную автором на юридическом факультете Университета Нанси в конце 1890-х. Ставшая классической работа посвящена прежде всего идеям и началам, на которых базировались наполеоновские кодексы. Великая французская революция создала во Франции новую правовую систему – либеральную, рациональную, просвещенную. Равенство граждан перед законом и судом; разделение властей; гласность и состязательность процесса; гуманизация наказаний; отмена пыток; введение презумпции невиновности и суда присяжных; свободная оценка доказательств и полная кодификация – вот лишь немногие принципы, которые легли в основу революционного уголовного законодательства. Вместе с тем масштабная наполеоновская кодификация права, сохранив многие революционные принципы, в некоторых отношениях все же отступила к дореволюционным концепциям. Это было связано с укреплением единоличной власти Наполеона и желанием вернуться к «твердой руке» после хаоса революционной эпохи. Когда

Максим Леруа
(1873–1957) – французский правовед и историк.

1 LEROY M. *L'esprit de la législation napoléonienne esquisse d'une étude critique*. Nancy: A. Crépin-Leblond, 1898. Публикуемый фрагмент: Р. 161–177. Все примечания в настоящем тексте, за исключением специально оговоренных случаев, сделаны переводчиком. Название публикации дано редакцией. – *Примеч. ред.*

АРХИВ «НЗ»

Леруа написал эту работу, ему было всего 27 лет: став первым научным трудом молодого автора, она открыла ему дорогу в большую науку². Ниже публикуется фрагмент главы, посвященной Уголовному кодексу 1810 года. [Антон Ишков]

В законодательстве Старого режима примитивная месть постепенно приобрела социальную и религиозную природу. На смену ей в идеях мыслителей второй половины XVIII века пришла новая концепция, носившая ярко выраженный светский характер. Но, несмотря на то, что она заметно отличалась от предыдущей и не ограничивалась простой сменой названия, эту концепцию, как нам кажется, все же трудно признать глубокой трансформацией ранее принятых представлений. Реальным и эффективным преобразованиям суждено было начаться лишь позже. В нынешней теории Уголовного кодекса мы хотели бы видеть мост между теократическими идеями прошлых веков и социально-психологической теорией более позднего периода. Идея Бога сегодня заменена понятием абстрактной свободы: сказанное верно как для Уголовного, так и для Гражданского кодекса. На смену божественной мести идет защита общественных интересов.

«Несомненно, наказание – это не месть», – заявил Тарже во время обсуждения Уголовного кодекса³. Впервые эту идею высказал Беккариа:

«Чтобы наказание было справедливым, оно должно иметь только ту степень интенсивности, которой достаточно, чтобы удержать людей от преступления. [...] Истинная мера тяжести преступления – это ущерб, который оно наносит обществу»⁴.

Именно этот общественный интерес и принимается во внимание независимо от намерения причинить вред – как в случае причинения смерти по неосторожности, так и в менее тяжких преступлениях. При этом частный интерес и частный ущерб не учитываются – как, например, в случаях попытки за-

2 На русский язык переведены лишь немногие сочинения автора, см., например: Леруа М. *Эволюция государственной власти (синдикаты чиновников)*. СПб.: Общественная польза, 1907; Он же. *Старое и новое право (к столетию Кодекса Наполеона)*. СПб.: Издание Н. Глаголева, б.г. – *Примеч. ред.*

3 Ги-Жан-Батист Тарже (1733–1806) – адвокат и публицист, член комиссии Государственного совета по составлению уголовного законодательства, один из авторов Уголовного кодекса 1810 года и Кодекса уголовного следствия 1808 года.

4 Труд Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях» был опубликован в 1764-м, а уже через два года его перевели на французский язык. Произведение пользовалось во Франции огромной популярностью: с 1764-го по 1807 год его переиздали двадцать раз. В России книга тоже многократно переиздавалась. Цит. по: БЕККАРИА Ч. *О преступлениях и наказаниях*. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1939. С. 226.

говора (статьи 89 и 91 Уголовного кодекса) или ношения запрещенного оружия (статья 314 Уголовного кодекса).

В соответствии с новым правом человек, совершивший правонарушение, осуждается во имя своей личной свободы – а также потому, что правонарушение представляет собой покушение на существующий общественный порядок. На смену Богу и сакральному порядку пришли свобода и социальный порядок. Иначе говоря, люди несут ответственность перед общественным порядком во имя своей свободы. Принцип уголовной ответственности будет опираться на обе эти идеи.

В целом Уголовный кодекс исходит из человеческой свободы: его положения не принимают во внимание субъективную сторону преступления, будь то абсолютная неосведомленность в совершаемом правонарушении или же, напротив, его полнейшее осознание. Поэтому закон, если можно так выразиться, почти не делает уступок субъективности, всесторонне заботясь о самом факте преступления и пренебрегая личностью преступника. Действительно, в отношении установленного правонарушения Уголовный кодекс редко допускает смягчение уголовной ответственности. Но имеются, однако, исключения: это ситуации, в которых обвиняемое лицо либо вообще не подлежит ответственности, либо располагает должными извинениями⁵, либо может воспользоваться оправдывающими и смягчающими обстоятельствами. В частности, совершение преступления людьми несовершеннолетними, слабоумными, находящимися под физическим или моральным принуждением, составляет такие случаи невиновности, где правонарушение просто не принимается во внимание: здесь отрицается вменяемость обвиняемого⁶. Приведенные примеры примечательны тем, что по контрасту с ними в дореволюционном уголовном праве психология играла гораздо меньшую роль: достаточно вспомнить судебные процессы над душевнобольными, животными, мертвыми. Уголовная теория тогда была более «материальна», в значительной мере игнорируя сознание обвиняемого.

Под извинениями понимаются конкретные факты, установленные законодателем, которые, оставляя вину в силе, приводят к освобождению от наказания или смягчению наказания. Какие-то из них вообще исключают ответственность, а другие облегчают ее. Первые мы оставляем в стороне; если же го-

5 Извинения – юридический термин, отсылающий к оправдывающим, то есть исключаящим вину, обстоятельствам; в правовых системах Нового времени поначалу сохранялся в качестве средневекового рудимента, позже исчез.

6 Современные уголовно-правовые представления о вменяемости обвиняемого как способности контролировать свои действия и осознавать их последствия в начале XIX века еще не до конца сложились, и поэтому невменяемость рассматривалась как значительно более широкое понятие, чем сегодня.

ворить о вторых, то ими будут совершение преступления до шестнадцати лет (когда обвиняемый действовал разумно⁷) и провокация со стороны потерпевшего. Ссылка на них призвана уменьшить наказание. Смягчающими обстоятельствами служат неопределенные факты, полностью оставленные на усмотрение судей или присяжных, которые в зависимости от деталей конкретного дела приводят к изменению индивидуальной вины и сокращению или даже отмене наказания. Последнее заслуживает того, чтобы остановиться на нем подробнее, поскольку, на наш взгляд, именно оно придает Уголовному кодексу его подлинный облик.

Считается, что в дореволюционном праве наказание было произвольным. Это прилагательное, однако, вводит в заблуждение, поскольку судьи не имели права назначать наказания, а могли только выбирать между ними. Вместе с тем все варианты были одинаково свирепы, так что спектр выбора оказывался небогатым. Кроме того, они оставались неизменными, не имея ни минимума, ни максимума. Уголовный кодекс (1791) и Кодекс о преступлениях и наказаниях (1795) установили фиксированные наказания за каждое правонарушение, дополнительно предоставив судьям право выбирать между минимальной и максимальной степенью, предусмотренной для каждого наказания. Это было противоположностью прежним теориям, пусть даже пока еще лишь кажущейся. Понятно, что составители рассчитывали учесть степень порочности преступника: они хотели решительно выступить против ранее действовавших норм, которые, не оставляя судье никакой свободы действий, объединяли в неизменной комбинации наказание и проступок.

Уголовный кодекс Наполеона продолжил революционную традицию. Следование ей, по идее, вроде бы позволяло учитывать психологические нюансы ответственности, однако дело обстоит не так: подобная иллюзия развеивается даже после поверхностного изучения вопроса. Некоторые уголовные проступки⁸ – в частности, бродяжничество, – а также многие тяжкие преступления, особенно влекущие за собой смертную казнь и пожизненное заключение, по-прежнему караются жестко фиксированными наказаниями. Что же касается смягчающих обстоятельств, то они предъявляются только в отношении проступков, караемых тюремным заключением, и только в тех случаях, когда ущерб не превышает 25 франков. По сути, в этом просматривается бессознательный пережиток старых принципов уголовного права: правонарушение предполагает моральную

7 Здесь упоминается оценочная категория, подлежащая установлению судьей в ходе выяснения конкретных обстоятельств дела.

8 Речь идет о преступлениях средней и малой тяжести, которые рассматривались исправительными судами. Им были посвящены статьи 198, 281, 289 Уголовного кодекса.

вину – оно нарушает общественный порядок – оно неизбежно влечет наказание. Поскольку психологическое обследование на законных основаниях тут не предусмотрено, отсутствует и заметная разница между обстоятельствами, исключаящими или смягчающими вину. Понятно, что она возможна только при безгранично расширенных смягчающих обстоятельствах.

Смягчающие обстоятельства – именно по той причине, что они неопределенны, – действительно позволяют судье устанавливать меру наказания в зависимости от нюансов, выходящих за рамки вины; он может немного отойти от изолированного рассмотрения правонарушения, чтобы обратиться к совести и личности обвиняемого. Обращаясь к ним, легче восстановить условия и истоки правонарушения. В итоге мы видим, как нынешнее уголовное право с широко внедренной системой смягчающих обстоятельств становится эластичным, а следовательно, более справедливым и более гуманным. Между тем до революционному праву, как и Уголовному кодексу 1810 года, не хватало подобной гибкости – в них мало внимания уделяется человеку и социальным обстоятельствам его жизни. Только с 1832 года давняя критика начала проникать в уголовное право и, в конечном счете, привела к его обновлению.

Только апеллируя к смягчающим обстоятельствам, судья может принять во внимание все факторы, способствующие совершению преступления. Некоторые из них отнюдь не указывают на какую-то извращенность сознания – за ними стоит лишь человеческое нежелание умирать. Причем, допуская самооборону и регулируя реакцию на провоцирование, закон уже дал этому нежеланию определенное удовлетворение. Но сделанного недостаточно: помимо того, мы должны говорить о нищете и голоде, которые оправдывают многие преступления, а также о естественном стремлении рабочих мстить своим нанимателям. Бесспорно, мы должны протестовать против любого насилия и требовать, чтобы люди отстаивали свои интересы только посредством идей. Насилие, увы, часто порождает насилие. Было бы справедливо учитывать обстоятельства, оправдывающие или смягчающие вину, которые прямо не предусмотрены законом и которым некоторые судебные решения все-таки пытаются придать силу. Мы должны выступать не столько против насилия или против пороков, сколько против среды, которая их фатально порождает: бороться с голодом, безрассудством, невежеством, низменными обидами. Именно их необходимо устранять в первую очередь, поскольку они и являются причинами преступлений; кстати, так думал и Беккариа еще в прошлом веке.

Все церковные авторы признавали и до сих пор признают (хотя и не говорят об этом слишком громко), что человек, до-

веденный до крайней нищеты, имеет право брать то, что необходимо для пропитания. Эту мысль разделял, например, Лютер. Подобные идеи проникли и в позитивное законодательство. Так, в дореволюционном французском праве «самоубийство перестает быть преступлением, если оно совершено душевнобольным или вызвано нуждой»⁹. Здесь мы имеем дело с рудиментом определенного права, предоставленного неумощному: юридическая норма склоняется в его пользу. Более того, «Бомануар признавал, что дети имеют право грабить своих родителей ради пропитания – то есть ради того, чтобы добыть себе пропитание, – но никак не иначе; следовательно, в таких случаях не было бы никакого преступления»¹⁰. В Уголовном кодексе кража, совершенная детьми у родителей, составляет основание для оправдания: иными словами, закон, оставляя вину в силе, отменяет только наказание (статья 380). Это более чем существенный нюанс¹¹. Как представляется, мы могли бы вернуть к жизни некоторые сохранившиеся в Уголовном кодексе пережитки древнего права и старой христианской теории, а также возобновить общинные традиции, которые наполеоновское законодательство до конца так и не уничтожило. Отправной точкой для новой теории, справедливо рассматривающей голод, нищету, невежество в качестве неизбежных императивов дурных поступков, вполне могла бы стать статья 64 Уголовного кодекса, согласно которой «не существует преступления или проступка там, где обвиняемый находился в состоянии слабоумия или где его принуждала сила, которой он не мог сопротивляться».

Согласно общепринятой доктрине, принуждение учитывается в уголовном праве только в том случае, если имело место насилие – будь то моральное или физическое – одного человека над другим или же принуждение со стороны сил природы, когда, например, кто-то не в состоянии выполнить долг присяжного заседателя из-за наводнения. Однако в определенных ситуациях сущность обоих упомянутых факторов оказывается одной и той же. Рассмотрим следующий пример: некоего мужчину под дулом револьвера заставляют украсть из пекарни буханку хлеба. Он, безусловно, оказывается вором; однако если ему удастся доказать, что он не мог поступить иначе, то его

9 Автор цитирует «Историю права и институтов Франции» Эрнеста Глассона (1837–1907) – юриста и историка права: GLASSON E. *Histoire du droit et des institutions de la France*. Paris: F. Pichon, 1895. Vol. 6. P. 649.

10 Автор вновь цитирует здесь Глассона (*Ibid.* P. 655), который в свою очередь ссылается на сборник обычаев средневекового французского права «Кутюмы Бовези», составленный судьей Филиппом де Бомануаром во второй половине XIII века.

11 Автор допускает неточность. Кража детьми имущества своих родителей, согласно упомянутой статье Уголовного кодекса 1810 года, в принципе не предусматривала уголовной ответственности; вместо этого она влекла лишь гражданскую ответственность, предполагающую возмещение ущерба.

признают невиновным. В данном случае мы руководствуемся доктринальным толкованием статьи 64 Уголовного кодекса. Если человек в описанной ситуации совершил кражу, то, значит, он боялся смерти; страх – единственная причина, которая оправдывает его проступок с юридической точки зрения. Но если он ворует из-за того, что голоден, то закон также должен применить к нему преимущества статьи 64. Голод и револьвер есть подлинные возбудители описанного акта: в волевом смысле я не вижу между этими началами какой-либо разницы. И там и здесь речь идет о непреодолимом желании избежать смерти. Требование сохранить жизнь должно оставаться императивным как в одном, так и в другом случае.

МАКСИМ ЛЕРУА
УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС
И СОЦИАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Мы должны выступать не столько против насилия или против пороков, сколько против среды, которая их фатально порождает: бороться с голодом, безрассудством, невежеством, низменными обидами. Именно их необходимо устранять в первую очередь, поскольку они и являются причинами преступлений.

Правда, когда речь заходит о втором факторе из приведенного выше примера, а именно – о голоде, судебное доказывание осложняется, поскольку объектом доказательства выступает, если можно так выразиться, отрицательный факт. Воздействие револьвера или иных обстоятельств подобного рода легко поддается проверке; но, когда разговор заходит о голоде, обвиняемый будет обязан убедить суд в предпринятых им усилиях, направленных на избежание крайней необходимости. Здесь от судьи потребуются глубокий моральный анализ, которому обязательно должно сопутствовать изучение предшествующих событий, окружающей обстановки, прочих обстоятельств, сопровождавших преступление. К сказанному стоит добавить, что состояние голода порождает специфические галлюцинации, способные влиять на свободу воли. В частности, этот тезис поддерживается правоведами в Бельгии. Так, в своем комментарии к бельгийскому Уголовному кодексу один из его авторов, профессор Льежского университета Нипельс, отмечает, что «голод оправдывает несчастного, который крадет продукты, чтобы поддержать свое существование». Наконец, статья 116 Уголовно-судебного уложения Священной Римской империи («Каролина»)¹², которое регулировало преступления

12 Автор ошибается; речь идет о статье 166, а не 116.

и наказания на большей части Европы, касаясь той же темы, гласит:

«Если кто-либо по прямой голодной нужде, от которой страдал он сам, его жена и дети, был вынужден украсть что-либо из съестных припасов, притом такая кража была незначительна и стала известна, то в таком случае судьи должны запросить указаний сведущих правоведов. Если, однако, подобный вор будет безнаказанно отпущен, то истец не должен отвечать перед ним за предъявленное по сему поводу обвинение»¹³.

В те времена, когда моральная и экономическая власть церкви и сеньоров только что сошла на нет и когда еще ничто не заменило той благотворительной деятельности, которую они вели в дореволюционной Франции, с поддерживаемым выше тезисом нельзя было не соглашаться. В рамках системы, выстроенной Уголовным кодексом, только благотворительность обеспечивала юридические предписания, которые позволяли учесть одну из наиболее частых причин правонарушения, а именно – людские страдания, вызываемые рыночной конкуренцией. И действительно, бесспорной язвой времени стало бродяжничество – признанная причина многих преступлений, в том числе и по мнению самих составителей Уголовного кодекса. Светские благотворительные организации тогда еще не были созданы, цеховая система ученичества разрушилась¹⁴, индустрия переживала финансовые потрясения, а в рабочих мастерских постоянно вспыхивали беспорядки, которые Директория пыталась гасить, применяя революционные законы о рабочих союзах, – вот какой была совокупность обстоятельств, которые требовали от закона чего-то большего, нежели чистое подавление. Вместе с тем сегодня поддерживаемый мной тезис звучит менее жестко: бесплатные бюро по трудоустройству, ночлежки и пункты обогрева, столовые и ясли, пенсионные фонды – все перечисленное составило совокупность институтов, посредством которых смягчаются негативные последствия [капиталистической] конкуренции. По сути, это примерно та же благотворительность, что и при Старом режиме.

Весь этот институциональный набор имеет непосредственное отношение к уголовному праву нашей страны: лишь с его помощью можно практически реализовать положения статьи 64

13 Цит. по: *Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: В 2 т.* / Ответ. ред. Н.А. Крашенинникова. М.: Норма, 2009. Т. 1 («Древний мир и Средние века»). С. 712.

14 Словные обыкновения дореволюционной Франции предполагали, что сын наследует профессию (и, соответственно, статус) отца. Это позволяло обеспечивать общество нужными специалистами без поддерживаемой государством системы профессионального образования. Поскольку революция разрушила такой порядок, а школьная система еще не сложилась, в стране заметно выросла подростковая преступность. Автор ссылается здесь на работу Анри Жоли «Криминальная Франция»: Joly H. *La France criminelle*. Paris: L. Cerf, 1889.

Уголовного кодекса 1808 года. Именно им обеспечиваются профилактические меры против угроз, блокирующих удовлетворение базовых физиологических потребностей – например, потребности в пище или крыше над головой. Нам необходимо бороться не только с преступлением как таковым, рассматриваемым в изоляции от его причин, а с самими этими причинами: с нуждой, невежеством, безнравственностью. Новое законодательство, если можно так выразиться, закрепляло несправедливость, с которой мы согласились и которую приняли; тем не менее, пока люди все еще бедствуют, голодают, лишаются работы – что случается во Франции каждый день, – необходимо добиваться расширения статьи 64. Уместно напомнить, просто для справки, что еще совсем недавно, в 1853–1854 годах, некоторые суды присяжных трактовали нужду как порок воли¹⁵. Следует также сказать, что мы распространяем на уголовное право тезис, который безуспешно пытались внедрить в гражданское право.

В теоретическом плане два аргумента способны поколебать представляемый здесь взгляд на вещи. Во-первых, нам укажут на несправедливость ситуаций, в которых один из членов сообщества – а именно, обворованный – должен платить за всех остальных. Мы готовы с этим согласиться. Но этот недостаток можно исправить: в тех случаях, когда вор неспособен компенсировать причиненный им ущерб своей последующей работой, надо предусмотреть для потерпевшего возможность обращения за государственной помощью. Во-вторых, будет сказано и о соображениях социального порядка – а конкретно о том, что наш тезис сводится к косвенному установлению права на кражу. Возможно, здесь есть зерно истины. Однако в указанном случае в краже следует видеть просьбу о помощи и попытку самостоятельно добиться справедливости.

Нет такого слова, которым политические деятели злоупотребляли бы больше, чем слово «порядок». Любое правительство, возникшее в результате государственного переворота – от Октавиана Августа, принцепса римлян, до Наполеона III, императора французов, – стремилось мыслить и действовать, опираясь сугубо на него. Именно ради восстановления «порядка» оба наших Бонапарта изгнали своих противников, закончили с демократической жизнью и заменили ее деспотизмом единовластия. В идеале, как предполагалось, правительство устанавливает «порядок» и заставляет граждан мыслить и действовать единообразно сугубо для того, чтобы силы Отечества не растрачивались в изолированных и противонаправ-

15 Порок воли означает положение, в котором принятое человеком юридически значимое решение объявляется недействительным и не влечет за собой правовых последствий. Типичные примеры порока воли – принуждение, обман, заблуждение и так далее.

ленных усилиях, а сливались в единый и мощный поток. Но трудно представить себе другое такое же слово, которое более искусно скрывало бы ненависть к свободе. На деле это своего рода волшебная формула, которая служит тому, чтобы заставить свободу исчезнуть навсегда. Вот что думал по этому поводу де Монтескьё:

«Август восстановил порядок, то есть постоянное рабство, ибо в свободном государстве, где захватчик только что овладел верховной властью, называют порядком все то, что может укрепить неограниченный авторитет одного человека; смутой же, раздором и плохим правлением называют все то, что может поддержать благородную свободу подданных»¹⁶.

По нашему мнению, эта идея не должна механически прилагаться к тем или иным политическим формам: ее надо рассматривать применительно к жизням конкретных граждан. Каждый человек имеет право и обязанность развиваться, и ни один закон не должен противоречить этому высшему и неизбежному долгу. Во имя так называемых «общественных интересов» никакая жизнь не должна приноситься в жертву; диалектика законов должна обеспечивать социальную гармонию – недопустимо позволять ей потакать естественным слабостям. В противном же случае мы будем довольствоваться лишь внешним порядком, который, по сути, воспроизводит описанный Дарвином порядок природы и предполагает принесение слабых в жертву сильным.

Сейчас на наших глазах оформляется новая система правовых представлений: законы все больше принимаются в интересах каждого отдельного человека – исходя при этом из особенностей различных групп населения. Законодательство заботится о личности, индивидуальных несчастьях и слабостях, других нематериальных благах, а также масштабном расширении социальной помощи во всех ее формах. «Угнетение всего общественного союза есть угнетение каждого члена в отдельности», – говорилось в декларации 1793 года¹⁷. Социальный вопрос представляется нам вопросом индивидуальной природы: общественный порядок не должен противоречить никакому индивидуальному развитию – при условии, что последнее не мешает развитию других людей. Таким образом, мы не сводим идею социального порядка к какой-то априорной формуле – которой, кстати, никто не знает, – а трактуем ее

16 МОНТЕСКЬЁ Ш.-Л. ДЕ. *Размышления о причинах величия и падения римлян* // Он же. *Персидские письма*. Размышления о причинах величия и падения римлян. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2002. С. 326.

17 Автор цитирует Декларацию прав человека и гражданина – составную часть Конституции Французской Республики 1793 года. См.: *Документы истории Великой французской революции* / Ответ. ред. А.В. Адо. М.: Издательство Московского университета, 1990. Т. 1. С. 218. – *Примеч. ред.*

в качестве живой и пластичной. Не вызывает сомнения, что старая общественная модель распадается: ее авторитарный и патриархальный характер несовместим с современным видением. В основе всего этого процесса – трансформация, а не возвращение. Наш тезис соответствует современному этапу развития права, которое отводит все более важное место взаимопомощи и благотворительности во всех их возможных формах.

Совсем недавно эта идея была поддержана судом коммуны Шато-Тьерри¹⁸, соображения которого мы воспроизводим ниже:

«Принимая во внимание, что к тому времени, когда обвиняемая украла хлеб у пекаря П., [...] у нее не имелось денег, а продукты, которые она ранее приобрела, были на исходе; что ни она, ни ее мать не ели в течение 36 часов, оставляя для ребенка те несколько глотков молока, которые были в доме; [...] что нищета и голод могут отнять у каждого человека часть его свободной воли и подорвать представления о добре и зле; что предосудительный поступок во многом теряет свой мошеннический характер, когда тот, кто его совершает, действует только под влиянием настоятельной потребности добыть себе пищу, без которой природа отказывает в работе телу; что недобросовестные намерения еще более смягчаются, когда к острым пыткам голодом присоединяется, как в данном случае, естественное желание матери избавить от страданий свое дитя; [...] что подсудимая М. обещала пекарю П. вернуть долг после первого же полученного ею заработка и что, следовательно, есть основания освободить ее от судебного преследования, – суд постановляет освободить М. от судебного преследования без каких-либо взысканий».

Подготовка материала и перевод с французского Антона Ишкова, старшего преподавателя кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва)

18 Судебное постановление, на которое ссылается автор, было вынесено 4 марта 1898 года; позже оно было подтверждено в апелляции.

